

На правах рукописи

Тухватулина Лилия Равильевна

**РОЛЬ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА
В ДЕФОРМАЦИЯХ КУЛЬТУРЫ**

09.00.13. Религиоведение, философская антропология,
философия культуры

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Томск – 2006

Работа выполнена на кафедре истории и философии науки Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Томский государственный педагогический университет».

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент
Лукьянова Наталия Александровна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Петрова Галина Ивановна

кандидат философских наук
Ситникова Дарья Леонидовна

Ведущая организация: Российский государственный
гуманитарный университет

Защита состоится _____ декабря 2006 г. в _____ на заседании диссертационного совета Д 212.266.02 при Томском государственном педагогическом университете по адресу: 634041, г. Томск, Комсомольский просп., д. 75, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан _____ ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Жукова Е.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современном мире происходит глобальная трансформация информационно-коммуникативного общества, которая сопровождается не только проникновением коммуникации во все сферы жизнедеятельности общества, возникновением и развитием качественно нового типа коммуникативных структур и процессов, но и глубоким переосмыслением коммуникативной природы социальной реальности, места и роли коммуникации в развитии общества. Кроме того, само понятие коммуникации претерпевает переосмысление. Коммуникация понимается сегодня не только как общение или внешняя взаимосвязь индивидов, культур, человека и природы. Коммуникация, прежде всего, это глубинная структура человека, фундирующая его индивидуальность. Следовательно, понимание коммуникации как важнейшего связующего звена общества и как канала передачи информации, распространения знаний уступает место более широкому пониманию этого явления как процесса, в котором символически оформляется и переоформляется наша идентичность, и который оказывает существенное влияние на все стороны жизни человека. Социальные связи и отношения каждого из нас, общий мир значимых объектов и событий, наши чувства и мысли, наши способы выражения этих социально выстраиваемых реальностей формируют коммуникативное пространство. В этой конститутивной модели коммуникации, составляющие ее элементы (участники, их сообщения, мысли, чувства, а также каналы и коды) представлены не закрепленными раз и навсегда в определенной конфигурации, а рефлексивно конституируются в самом процессе коммуникации.

Актуальность данного исследования определяется следующими причинами: во-первых, в современном мире усиливаются потоки информации, ее объем растет в экспоненциальном режиме. Бурное развитие в настоящее время технико-информационных средств связи в единстве с глобальными процессами информатизации, актуализировало исследование проблем, связанных с коммуникацией, коммуникационными особенностями культуры, бытованием человека в мире коммуникаций и коммуникативном пространстве. При этом не у кого не вызывает сомнений, что современные процессы коммуникации стали формой выражения культуры. Однако, как правило, в подобного рода исследованиях рассматриваются процессы влияния технических средств связи на человека и связанные с ними процессы глобализации.

Во-вторых, поскольку человека все больше окружают сверхсложные системы, устройство которых не может быть изучено за достаточно короткий

срок, одним из способов познания реальности становится коммуникативное моделирование. Современный этап развития практики моделирования вообще и коммуникативного моделирования, в частности, характеризуется большим разбросом в отношении определения понятия, классификации и функций моделей и моделирования. Все это создает «путаницу с моделями» (в терминологии М. Вартофского), в результате которой происходит быстрое увеличение числа «странных» сущностей, несвязанных между собой, которые называют моделями коммуникации. При этом, модель воспроизводит некоторые характеристики моделируемого объекта и является условным изображением реальности, но, конечно, не самой реальностью. Модель нужна исследователю, чтобы лучше организовать свои мысли о реальности и выявить механизмы ее исследования. Это актуализирует обращения к проблеме выявления структуры коммуникативного пространства как необходимого этапа в исследовании культуры. Именно осознание процессов, лежащих в основе коммуникативного моделирования, позволяет выявить механизмы воздействия коммуникативного пространства на процессы социокультурной динамики.

В-третьих, резкое возрастание темпов информационно-технологического прогресса привело к увеличению объемов хранимой и передаваемой информации, то есть к увеличению количества информации. Информационные процессы создают и трансформируют знаки, смыслы, символы, образуя единое информационно-семиотическое пространство, которое было обозначено Ю.М. Лотманом как «семиосфера». В этом пространстве знак не является застывшим объектом воздействия, он изменяется, деформируется, он может быть «пустотным» и «переполненным» смыслами. Все это актуализирует исследование особенностей знаковой динамики в коммуникации.

В-четвертых, современное коммуникативное пространство представляет собой нестабильный, изменчивый феномен, где сосуществуют и обращены друг к другу субъекты и объекты с их процессуальностью, динамикой, незавершенностью, ускользанием от жестких причинно-следственных связей. Коммуникативные процессы разнообразны, следовательно, необходима их систематизация с выделением доминантных процессов, на основании релевантной методологической базы, которой может стать постнеклассическая методология, открывающая возможности исследования нелинейной динамики сложных открытых систем, к которым относятся и социокультурные системы.

В-пятых, сфера коммуникаций создает собственную среду, с которой имеет дело человек. Коммуникативность и коммуникационность является

неотъемлемой частью человеческого бытия. Различные события образуют сложный мозаичный текст современной культуры, в котором коммуникативное пространство как пространство общения, является фактором, конституирующим жизненный мир человека. Однако полилокальное состояние мира свидетельствует об изменении самой основы современного порядка. Его мозаичная основа представляет собой переплетение разных элементов культуры, которые не могут быть сведены к единому основанию. Вот почему исследование факторов, воздействующих на современную культуру, актуально и представляет собой необходимый этап в исследовании социокультурной реальности.

Степень теоретической разработанности проблемы

Сложность анализа исследовательской литературы по коммуникации связана с тем, что этот феномен буквально «распылен» по разным отсекам фундаментальных общественных наук: философии, психологии, социологии, антропологии, педагогики, культурологии. Такое положение является вполне закономерным и объяснимым. В условиях становления информационного общества коммуникация занимает место одной из ведущих общественных практик и по этой причине неизбежно попадает в поле исследовательского интереса представителей различных областей научного знания – технических, естественных, гуманитарных. В рамках каждого из этих направлений теоретический анализ феноменов коммуникации осуществляется под особым углом зрения, обуславливается спецификой объекта и предмета каждой конкретной науки. Данное исследование рассматривает структурную организацию коммуникативного пространства, что определило обращение к определенной группе источников.

Условным образом все многообразие литературы по теме можно разделить на четыре блока. Первый, самый большой блок, представлен литературой, выявляющей важность коммуникативных процессов при исследовании динамики культуры. Второй блок вводит семиотическое измерение коммуникативного пространства. В третьем блоке рассматриваются работы, определяющие методологию исследования структуры коммуникативного пространства. Четвертый – раскрывает отдельные аспекты темы в связи с введением понятия «модель» в практику исследования коммуникации, а также рассматривает многообразие моделей коммуникации, целей и условий их создания

Рассматривая проблему важности коммуникации в социальном измерении в современных исследовательских парадигмах, мы обращались к трудам классиков западной философии: Ю. Хабермаса (коммуникативное действие),

Н. Лумана (системная теория коммуникации), К.-О. Апеля (идеальное языковое коммуникативное сообщество), которые находят и анализируют источники смыслов социума в коммуникации. Из отечественных философов следует, прежде всего, указать работы А.В. Гайды, Л.М. Земляновой, Б.В. Маркова, Г.И. Петровой и др. При анализе применимости синергетической парадигмы к осмыслению фундаментальных когнитивно-коммуникативных стратегий, особую значимость для нас приобретает позиция Л.П. Киященко.

Современные направления в исследовании феномена коммуникации связаны с определенными исследовательскими парадигмами. Парадигмальный поход, по словам С.В. Клягина, в коммуникативных науках не только оформляет понимание исследовательских явлений, но и позволяет раскрывать их концептуальные и социокультурные контексты, а также возможные перспективы изменения.

Например, информационная парадигма становится весьма популярной сегодня. Она разделяется многими авторами. Сегодня информационная парадигма, пришедшая в сферу коммуникации из точных, естественных и прикладных наук (Н. Винер, К. Шеннон и др.), в сочетании с другими подходами, например, синергетическим, дает возможность создавать модели современного общества с его сложнейшими коммуникационными процессами. Несомненно, общую «матрицу» всех возможных подходов к изучению коммуникации смоделировать сложно. Ясно одно, такая матрица может быть только многомерной и способной дефрагментироваться, перестраиваться в зависимости от темпов, уровней и качества «прирастаемого» знания о коммуникации, о человеческом сознании, о мире.

Методологические аспекты коммуникативной рациональности, ее обоснование в контексте современной философской мысли, практика коммуникативного моделирования, преподавание коммуникативных дисциплин и тому подобное являются предметом дискуссии развернувшейся в рамках научных конференций, которые проводят Российская и Северо-американская коммуникативные ассоциации (г. Ростов-на-Дону, г. Санкт-Петербург, г. Москва) в сотрудничестве с Международной коммуникативной ассоциацией (Past-President – Robert Craig) и Всемирной коммуникативной ассоциацией (President – David Williams).

Второй блок литературы был обозначен нами как семиотический. Вопрос исследования коммуникативного пространства как знаковой системы, мы связываем с тремя семиотическими традициями в науке: Ч.С. Пирса, Ф. де Соссюра и Г. Фреге. Эти исследования озаменовали собой становление семиотики как науки.

В семиотике различают две разные традиции, происходящие соответственно от Ф. де Соссюра и Ч.С. Пирса. Работы Р. Барта, Ж. Бодрийера, Ж. Деррида, Л. Ельмслева, Ю. Кристевой, К. Леви-Стросса и К. Метца следуют французской, «семиологической» традиции Ф. де Соссюра, тогда как Ч.У. Моррис, Ч. Огден, И. Ричардс, и Т. Себеок принадлежат англо-американской, «семиотической» традиции Ч.С. Пирса. Соединяет эти два направления семантико-прагматическая теория У. Эко.

Не менее значимыми для цели нашего исследования являются работы Г. Фреге. Глубокие идеи, разработанные данным автором, положили начало современным исследованиям в области логической семантики и логического анализа естественного языка.

Однако в последние годы на Западе все чаще говорят о «повороте к Пирсу» в семиотике. Поскольку семиотика Ч.С. Пирса и его последователей делает акцент на процессе семиозиса, а знак, в рамках данной традиции, определяется как триадическое отношение, которое вызывает динамический процесс интерпретации. Исследованием наследия Ч.С. Пирса занимаются: В. Нёт и У. Эко, а также российские исследователи А.С. Боброва, В.В. Кирющенко, К.Д. Скрипник, Ю.В. Шатин и др.

Литература третьего блока ориентирована на понимание того, что исследование динамики коммуникативного пространства требует постнеклассического представления. Тексты, опирающиеся на базовые идеи междисциплинарного научного направления – синергетики, а также на постнеклассические философские технологии, принадлежат таким авторам как В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, Л.П. Киященко, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, Я.И. Свирский.

Постнеклассическая парадигма восприняла идею А.Н. Уайтхеда о действительности как процессе. Это положение выдвигает на первый план не единый, всеобщий обзор всей реальности, а поиск программ сопоставления различных концепций и проблему определения границ интерпретаций. Подобную методологию сопоставления предлагает информационно-синергетический подход, автором которого является И.В. Мелик-Гайказян.

Философско-антропологическая направленность исследования коммуникативного пространства вводит в проблемное поле работы понятие «событие», рассматриваемое нами согласно идее А.Н. Уайтхеда о процессуальности и когерентности событий в универсуме. Свой вклад в обоснование необходимости употребления понятия «событие» внесли такие философы, как М.М. Бахтин, Л. Витгенштейн, Ж. Делез, Т.Х. Керимов, Т.М. Николаева, В.П. Руднев, Я.И. Свирский, М. Фуко, Ю. Хабермас, М. Хайдеггер. Отдельно

в этой сфере мы выделяем категорию коммуникативного события, в основе которого лежит диалогический характер речевой культуры, в связи с чем, актуальными в области гуманитарных наук, стали проблемы изучения текста как основной формы коммуникации. Данная категория представлена работами: Н.Д. Арутюновой, Н.С. Болотновой, Т.А. ван Дейка, Ю.Н. Караулова, Ю.М. Лотмана, В.В. Петрова, В.В. Тюпы и др.

Что касается четвертой группы источников, то она определена содержанием исследования. Это работы, связанные с исследованием понятий «модель» и «моделирование» в практике философской мысли. Мы обращались к исследованиям: М. Вартофского, Б.А. Глинского, Ю.В. Дашко, И.Б. Новика, Б.Н. Пойзнера, В.С. Ратникова, В.Н. Садовского, Д.Л. Ситниковой, В.А. Штоффа. Отдельной большой подгруппой обозначим работы, представляющие практику коммуникативного моделирования. Это труды Г. Лассуэлла (H.D. Lasswell), Р. Брэддока (R. Braddock), К. Шеннона (K. Shannon), У. Уивера (W. Weaver), Т. Ньюкомба (T. Newcomb), У. Шрамма (W. Schramm), П. Лазарсфельда (P. Lazarsfeld), Дж. Гебнера (G. Gerbner), М. Маклина (M. Maclean), Б. Уэстли (B. Westly), М. ДеФлера (M. DeFleur), Р.О. Якобсона, Ю.М. Лотмана, У. Эко.

Многообразие данных работ показывает актуальность введения практики коммуникативного моделирования, что является важным моментом в наших исследованиях.

Исследование проблемы воздействия коммуникативного пространства на динамику культуры фундировал пленарный доклад В.В. Миронова «Современное коммуникативное пространство как фактор трансформации культуры и философии» на IV Российском философском конгрессе «Философия и будущее цивилизации», а также его монография «Философия и метаморфозы культуры».

За последние три года было защищено ряд диссертационных работ, к которым мы обращались в связи с заявленной темой исследования. Это работы Г.С. Пшегусовой «Социальная коммуникация (Сущность, типология, способы организации коммуникативного пространства)» (2003); Н.Н. Зименковой «Коммуникация в процессе функционирования и развития общества» (2004); С.А. Борисовой «Онтологическая триада «пространство – человек – текст» как специфическая коммуникативная система: психолингвистическое исследование» (2004); О.В. Костиной «Онтология коммуникации» (2005); О.П. Соколовой «Коммуникативная культура индивида: социально-философский анализ» (2005) и ряд других работ так или иначе связанных с философской проблематикой исследования коммуникативного пространства.

Итак, анализ существующей литературы по коммуникативной проблематике показал, что многие авторы говорят о феномене и сущности коммуникации, о влиянии коммуникации и коммуникационного пространства на культуру в целом и человека, в частности. Однако проведенный анализ показал отсутствие работ объясняющих причины этого влияния с точки зрения информационного воздействия на человека, и, прежде всего, выявляющих роль, которую играет современное коммуникативное пространство в механизмах деформации культуры. На наш взгляд, в современном информационном мире, находящемся в состоянии неустойчивости, неопределенности изменились содержание и направленность социокультурных процессов, вследствие чего проблемы трансформации адаптационного механизма культур выдвинулись на передний план философского осмысления. Однако остаются не выявленными структурные составляющие коммуникативного пространства, и его роль в деформациях культуры, которые определяют необходимость исследования перспектив человека, поиска новых форм его идентичности и возможностей адаптации в новых условиях информационного общества. Таким образом, объектом исследования нашей работы является коммуникационная инфраструктура культуры, образуемая современными средствами и технологиями связи, а ее предметом – воздействие структуры коммуникативного пространства на социокультурную реальность.

Цель исследования – выявить структурную организацию коммуникативного пространства и ее роль в деформациях культуры. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) раскрыть условия создания моделей коммуникации и выявить способы их упорядочения;
- 2) выявить механизмы знаковой динамики в коммуникациях;
- 3) определить релевантность информационно-синергетического подхода как метода исследования структуры коммуникативного пространства;
- 4) раскрыть механизмы деформации культуры и выявить роль коммуникативного пространства в данных деформациях.

Методологические основания исследования

Для достижения поставленной цели и решения задач исследования автор опирается на концептуальные положения философии процесса (А.Н. Уайтхед, А. Бергсон) и постнеклассической методологии (И.Р. Пригожин, И. Стенгерс, С.П. Курдюмов, Е.Н. Князева, Я.И. Свирский). Постнеклассическая философия (В.С. Степин) открыла методологические возможности исследования информационных процессов. На основе идеи об информации-процессе и обосновании информационного механизма самоорганизации И.В. Мелик-Гайказян

были сформулированы принципы исследования нелинейной динамики социокультурных систем, которые составляют информационно-синергетический подход. В рамках данного подхода появляется возможность на основе прямой аналогии многостадийных информационных и социокультурных процессов, определять границы интерпретаций различных концепций, теорий и учений, т.е. строить методологию междисциплинарных исследований, к которым относится исследование коммуникативного пространства. В семантико-прагматическом подходе (У. Эко) теория коммуникации рассматривается в рамках теории передачи информации. Это положение сделало возможным исследовать процессы коммуникации как информационные. Информационно-синергетический подход сочетается с исследованием динамики знака и знакового пространства – Ч.С. Пирс, Ю.М. Лотман, что является концептуальным основанием проведенного исследования.

Научная новизна

Проведенное исследование позволило получить результаты, обладающие научной новизной:

1) выявлен способ систематизации всего многообразия существующих коммуникативных моделей на основе определения условий создания этих моделей, что позволило упорядочить их по базовым линиям: «линия Г. Лассуэлла», «линия К. Шеннона – У. Уивера», «линия Т. Ньюкомба», «линия семиотических моделей». Доказано, что коммуникативное моделирование является результатом появления информационных технологий и необходимым условием познания сущности коммуникации, ее механизмов и природы;

2) выявлены следующие механизмы знаковой динамики, определяющие условия функционирования коммуникативного пространства: а) синхронический и диахронический аспекты изучения языка (кода); б) триадическая структура знака; в) семантическое, синтаксическое и прагматическое измерения семиозиса; г) природа обобщения и логика взаимосвязи трех элементов знака;

3) доказано, что информационно-синергетический подход дает возможность построить структуру коммуникативного пространства. Последняя задается структурой информационного процесса, вбирающей каналы трансляции, которые обусловлены трехчастной природой знака. Выявлены границы встраивания моделей базовых «линий» в общую блок-схему информационного процесса, что позволило установить роль и место каждой модели в структуре коммуникативного пространства;

4) раскрыт механизм деформации культуры, вызываемый динамикой коммуникационного пространства. Данный механизм определяется взаимосвязью следующих процессов: а) развитие средств коммуникаций вызывает

деформации в процессах трансляции в коммуникативном пространстве; б) в пределах коммуникативного пространства в условиях социальной неустойчивости создаются новые образы в культуре; в) нелинейная динамика этих процессов вызывает трансформации в адаптивных механизмах культуры, в которых оформляется и переоформляется идентичность человека. Выявлена структура коммуникативного пространства, которая позволяет обозначать «точки роста» и взаимосвязь этих процессов, и, следовательно, определять роль коммуникативного пространства в деформациях культуры в конкретных ситуациях.

Положения, выносимые на защиту

1. Анализ условий и целей создания моделей коммуникации, области их применения дал возможность найти основания для упорядочивания и классификации моделей коммуникации. В соответствии с этим предложена систематизация коммуникативных моделей по базовым линиям, и выявлено семейство моделей в развитие базовых: 1) «линия Г. Лассуэлла», в которую входят модели коммуникативного акта Г. Лассуэлла, Р. Брэдока, Дж. Гербнера, Д. Берло, В. Шмида; 2) «линия К. Шеннона – У. Уивера» – включены модели К. Шеннона – У. Уивера, Д. Огстуда – В. Шрама, М. ДеФлера, М. Дэнса, П. Лазарсфельда и его коллег, а также модели Ф. Котлера и М. Мескона; 3) «линия Т. Ньюкомба» – это модель Т. Ньюкомба, модель Б. Уэстли – М. Маклина, Дж. и М. Рили, Г. Малецке; 4) «линия семиотических моделей» коммуникации («линия Р.О. Якобсона»): в нее входят модель коммуникации (речевого события) Р.О. Якобсона, Ю.М. Лотмана, У. Эко.

В процессе исследования моделей коммуникации было выяснено, что моделирование коммуникативного пространства без учета условий функционирования в нем знака не представляется возможным и корректным, поскольку, в основе любой коммуникации лежат знаковые процессы. Раскрыт вклад трех крупнейших направлений семиотики, которые связаны с именами Ф. де Соссюра, Ч.С. Пирса и Г. Фреге, в исследованиях по семиотике текста и коммуникации, что позволило выявить механизмы знаковой динамики, функционирующие в структуре коммуникативного пространства: синхронический и диахронический аспекты изучения языка (Ф. де Соссюр); «трехмерный семиозис» (семантика, синтактика, прагматика), триадическая структура знака (Ч.С. Пирс); обоснование логической взаимосвязи трех членов знака (Г. Фреге).

2. Релевантность информационно-синергетического подхода для исследования структуры коммуникативного пространства основывается на следующих положениях: 1) коммуникативное пространство рассматривается нами как открытая самоорганизующаяся система, следовательно, методологическим

основанием нашего исследования является постнеклассическая методология, открывающая возможность исследования нелинейной динамики сложных открытых систем, к которым относятся и социокультурные системы; 2) механизмами самоорганизации сложных систем являются информационные процессы, что на философско-методологическом уровне определяется информационно-синергетическим подходом. В рамках данного подхода, таким образом, становится возможным разрабатывать методологию моделирования нелинейной динамики социокультурных систем. Это имеет особое значение для изучения коммуникативных и коммуникационных процессов в социокультурных системах, поскольку теория коммуникации является неотъемлемой частью теории информации, следовательно, исследование структуры коммуникативного пространства непосредственным образом связывается с теорией информации, ставящей в центр изучения проблему трансляции, переработки и хранения информации. На этом основании мы утверждаем, что коммуникативные процессы необходимо рассматривать как процессы информационные.

Именно применение данного подхода позволило установить место и роль коммуникативных процессов в процессах информационных и определить границы коммуникативного пространства (процесс кодирования информации и процесс построения оператора). Выявлена структура коммуникативного пространства, которая представляет собой информационные процессы трансляции: кодирования, декодирования, рецепции, хранения, построения оператора, функционирующие в социокультурных системах, что представляет собой *горизонтальную структуру*. Информационные процессы на стадии трансляции организуют три семиотических канала, природа которых определяется природой знака (семантика, синтактика, прагматика) – это *вертикальная структура* коммуникативного пространства.

3. Обозначенная структура коммуникативного пространства позволила раскрыть роль, которую коммуникативное пространство играет в деформациях культуры. В условиях социальной неустойчивости динамика коммуникативного пространства вызывает деформации культуры, так как деформациям подвергается его инфраструктура – процессы трансляции информации. Выявлены следующие механизмы деформации коммуникационных отношений: 1) в силу свойств брэнности и изменчивости информации «забывается» и/или деформируется семантический канал трансляции знака и «блок памяти», а, следовательно, и процесс рецепции информации из блока памяти; 2) время, которое должно пройти от процесса кодирования до процесса рецепции «сжимается», и, как следствие, информация нарастает «лавинообразно»;

3) в результате происходящие в коммуникативном пространстве события приобретают высокую скорость тиражирования, и становятся когерентными сразу нескольким тысячам других событий; 4) соответственно, в потоке информации человек не успевает адаптировать старые «установки» и новые смыслы.

Исследование механизмов функционирования коммуникативного пространства позволило ответить на вопрос, как коммуникативное пространство влияет на деформации культуры. Доказано, что деформации коммуникационных отношений в коммуникативном пространстве посредством трансформации адаптивных механизмов культуры, создают ее новый образ, что, в свою очередь, влияет на становление идентичности человека в современном мире.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость исследования видится, прежде всего, в том, что представлены и исследованы знаковые и информационные механизмы воздействия коммуникативного пространства на динамику культуры. В ходе осмысления идей, развиваемых в этом направлении, открываются возможности для исследования факторов воздействия и управления в современной культуре.

В практическом плане достигнутые в диссертации результаты были использованы в ходе выполнения гранта РФФИ № 06-04-80192 «Методология моделирования нелинейной динамики образовательных систем», и реализованы в научных отчетах по данному гранту (для исследования проблем, связанных с динамикой культуры). Материалы исследования могут быть использованы для разработок методических рекомендаций в практике преподавания дисциплин, связанных с проблемами идентичности человека в коммуникативных отношениях, а также в преподавании отдельных разделов гуманитарных дисциплин, посвященных проблемам философской антропологии.

Апробация работы

Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены на научных семинарах и конференциях: научных семинарах кафедры философии Института переподготовки и повышения квалификации МГУ им. М.В. Ломоносова, Института теории образования Томского государственного педагогического университета; Всероссийской научно-методической конференции «Современные технологии образования в вузе» (14–16 апреля 2005 г.), г. Томск; Всероссийской конференции «Модернизация национальной системы высшего образования и проблемы интеграции вузов России в мировое образовательное пространство» (20–22 сентября 2005 г.),

г. Новосибирск; IX Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (25–29 апреля 2005 г.), г. Томск; Международной научно-практической конференции «Модернизация профессионального послевузовского образования» (15–16 ноября 2005 г.), г. Томск; XI Всероссийской научно-технической конференции «Энергетика: экология, надежность, безопасность» (7–9 декабря 2005 г.), Томск; III Международной конференции РКА «Коммуникация и конструирование социальных реальностей» (12–16 июня 2006 г.), г. Санкт-Петербург; X Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (15–19 мая 2006 г.), г. Томск; VIII Всероссийском студенческом научно-техническом семинаре «Энергетика: экология, надежность, безопасность» (18–21 апреля 2006 г.), г. Томск; Всероссийской научной конференции «Антропологические основания биоэтики» (10–12 октября 2006 г.), г. Томск; Международном симпозиуме «Философия образования Востока и Запада: развитие диалога» (25–27 октября 2006 г.), г. Новосибирск.

Структура диссертационной работы

Цель и задачи диссертационного исследования определили ее структуру. Работа, основное содержание которой изложено на 149 страницах, состоит из введения, двух глав (шести параграфов), заключения. Диссертация включает также список литературы и приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследования; формулируется проблема исследования, а также определяются его цель и задачи; характеризуется степень разработанности темы исследования; научная новизна и положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Модели и механизмы коммуникативных процессов в коммуникационном пространстве» включает три параграфа. Данная глава посвящена анализу основных моделей коммуникации, а также их классификации на основе анализа целей и условий создания.

В параграфе 1.1. «Моделирование как способ понимания коммуникации» рассматриваются традиции и тенденции изучения коммуникации и коммуникативных моделей. Как правило, мы рассматриваем коммуникацию в свете двух основных тенденций. Первая тенденция связывается с фундаментальными исследованиями Ю. Хабермаса, Н. Лумана, К.-О. Апеля. Актуальность обращения к трудам вышеперечисленных авторов продиктована тем, что

коммуникация является составной частью культурных универсалий, которыми обладает общество. Для цели данного диссертационного исследования важным является утверждение Ю. Хабермаса о том, что коммуникативное действие – это необходимое условие существования культуры. Коммуникативное действие формирует систему отсчета, необходимую для описания и понимания того, что происходит в окружающей человека социокультурной реальности. Н. Луман, создатель системной теории коммуникации, утверждает, что система самовоспроизводится посредством коммуникации. Коммуникация, по мнению Н. Лумана, постоянно создает «бифуркацию восприятия-отклонения», то есть «каждое коммуникативное событие закрывает и открывает систему». Следовательно, ход истории зависит от выбора, являющегося следствием этой бифуркации. В исследованиях К.-О. Апеля подчеркивается, что коммуникация влияет на культуру, что связано, в первую очередь, с изменениями в социокультурной сфере, происходящими в современной цивилизации. Коммуникация включена в ряд важнейших культурных универсалий социокультурной системы.

Все исследования, связанные с феноменом коммуникации блестящи и неоспоримы. Однако в гипотезе нашего исследования утверждается, что коммуникативное пространство обладает определенной структурой, что не является предметом рассмотрения ученых, к трудам которых мы обращались выше. Задача выявления структурных элементов коммуникативного пространства успешно решается при использовании второго подхода к исследованию коммуникации, которым является моделирование коммуникативных процессов.

В рамках данной формы изучения коммуникации было проанализировано историческое развитие понятий «модель» и «моделирование», а также этапы становления данной формы познания. В соответствии с этим было выяснено, что приоритет математического моделирования фиксируется в XVII веке. Именно тогда, как было показано Б.Н. Пойзнером и Д.Л. Ситниковой, математическая модель начала выступать в качестве современного средства рационального познания мира, то есть стала культурным образцом, победив в конкурентной борьбе с другими познавательными средствами.

Было показано, что этапы рассмотрения коммуникации как целостности и моделирование коммуникативных процессов последовательно сменяют друг друга. Так начало XX века характеризуется доминированием первой тенденции в изучении коммуникации, о чем свидетельствуют работы К. Ясперса, М. Бубера, однако в 50–60 гг. ситуация изменилась и на первый план вышли работы, в которых моделирование коммуникативного процесса

стало важнейшим методом. В качестве примера можно привести труды Г. Лассуэлла (1948 г.), К. Шеннона – У. Уивера (1949 г.), Т. Ньюкомба (1953 г.) и т.д.

Философско-методологический анализ практики моделирования мы связываем с концепцией М. Вартофского, который одним из первых в мировой философской литературе (60-е годы XX века) вводит фундаментальное понятие «модельного отношения», то есть отношения, в которое вступают моделируемое и моделирующее. Это позволило создать фундаментальную концепцию моделирования. Модели, по М. Вартофскому, – это преднамеренно создаваемые артефакты. Американский философ трактует артефакты как все то, что создается людьми путем преобразования природы и самих себя (это и формы социальной организации, и взаимодействия, и язык, и программы технологий, и навыки труда). Значимым для цели нашего исследования является утверждение М. Вартофского о том, что артефакты имеют статус промежуточных сущностей, он подчеркивает, что модель – это не просто копия некоторого состояния системы, но и предполагаемая форма деятельности, «репрезентация будущей практики». Подчеркивается, что человек есть необходимая и обязательная составляющая моделирования. Следовательно, мы рассматриваем модели как «слепки» действительности, созданные человеком, что и определило задачу следующего параграфа данного диссертационного исследования.

В параграфе 1.2. «Модели коммуникации и их классификация» были проанализированы классические модели коммуникации, условия и задачи, которые инициировали их создание с целью определения параметров их систематизации и упорядочивания.

Итак, были выявлены следующие основания классификации: место человека в моделях коммуникации, временная характеристика коммуникации, а также были выделены «линии» моделей коммуникации. В соответствии с первым основанием нами были выделены следующие группы коммуникативных моделей: 1) модели, описывающие процесс коммуникации между механизмами. Особенностью моделей данной группы является отсутствие человека, как участника коммуникации. Роль человека в данных коммуникативных моделях сводится к роли «наладчика», наблюдателя коммуникативного процесса; 2) следующей группой являются модели, участниками которых могут быть в равной степени, как механизмы, так и люди. Коммуникация в моделях данной группы может осуществляться между механизмом и механизмом, между механизмом и человеком и между человеком и человеком; 3) к последней группе мы отнесли модели коммуникации, в которых человек является неотъемлемой частью коммуникации, его личностные, психологические,

социальные и иные характеристики определяют течение коммуникативного процесса.

Указанная классификация была проведена с целью выявления места и роли человека в процессе коммуникации, поэтому мы не рассматривали те виды коммуникации, в которых человек не присутствует, например, коммуникация между животными.

Рассмотрение истории и целей создания моделей коммуникации позволило нам выделить коммуникативные «линии», объединение в которые является, на наш взгляд, наиболее конструктивным методом упорядочивания коммуникативных моделей. Основой данной классификации является группировка моделей (семейство) на основе «родовой», базовой модели коммуникации. Итак, основными выделенными нами «линиями» коммуникативного моделирования является «**линия Г. Лассуэлла**», которая включает модели Г. Лассуэлла, Р. Брэдока, Дж. Гербнера, Станфордскую модель коммуникативного процесса (называемую также SMCR-моделью), автором которой является Д. Берло и нарратологическую модель двойной коммуникации В. Шмида. «**Линия К. Шеннона – У. Уивера**», включает модели К. Шеннона – У. Уивера, Д. Осгуда – В. Шрамм, М. ДеФлера, М. Денса, двухступенчатую модель коммуникации П. Лазарсфельда и его коллег, а также многоступенчатые модели Г. Веймана, М. Гранноветтера, кроме того, «линия» К. Шеннона – У. Уивера включает также маркетинговую модель Ф. Котлера и модель коммуникации М. Мескона. «**Линия Т. Ньюкомба**» состоит из моделей Т. Ньюкомба, Б. Уэстли – М. Маклина, Дж. и М. Рили и Г. Малецке и, последняя из выделенных нами семиотическая «линия» или «**линия Р.О. Якобсона**» включает модель самого Р.О. Якобсона, а также модели Ю.М. Лотмана и У. Эко.

Следовательно, приведенная выше классификация позволяет преодолеть разрозненность и неупорядоченность коммуникативных моделей, что способствует выявлению роли и места каждой модели коммуникации в общей структуре коммуникативного пространства и конструктивному изучению коммуникации в целом. Анализ моделей коммуникации, проведенный с целью обнаружения параметров их упорядочивания, показал, что целое направление в коммуникативном моделировании и теории коммуникации связано с семиотическими концепциями. Следовательно, практика коммуникативного моделирования тесно связана с семиотическими процессами. Данное положение наиболее полно нашло свое отражение в следующем параграфе.

В параграфе 1.3. «Механизмы знаковой динамики в коммуникации» были проанализированы базовые, для целей нашего исследования, семиотические концепции, которые включают теорию знаковой динамики или семиозиса,

в интерпретации школы Ч.С. Пирса, лингвосомиотику Ф. де Соссюра, исследования Г. Фреге и семантико-прагматическую семиотическую концепцию У. Эко.

Итак, значимость идей американского философа-прагматика Ч.С. Пирса для теории коммуникации, в целом, и цели нашего исследования, в частности, состоит в определении знака как триадического отношения между репрезентаном, объектом и интерпретантой. Семиотическая теория Ч.С. Пирса посредством введения понятия «семиозис» определяет знак как динамическую категорию, что подчеркивает динамическую, смыслопорождающую природу коммуникативного процесса.

Развитие идеи Ч.С. Пирса об универсальном, бесконечном семиозисе повлекло становление «трехмерной семиотики», в работах Ч.У. Морриса, который выделил три уровня семиозиса: 1) *семантика*, которая характеризует отношение знака к своему объекту; 2) *синтактика*, включающая отношения знаков друг к другу; 3) *прагматика*, которая исследует отношения между знаками и теми, кто ими пользуется (интерпретаторы). Как мы указали выше, значимость семиотики Ч.С. Пирса и его последователей для выявления структуры коммуникативного пространства определяется введением категории семиозиса и такими его измерениями как семантика, синтактика и прагматика, которые определили количество и характер знаковых каналов трансляции информации в структуре коммуникативного пространства.

Семиология Ф. де Соссюра, развивавшаяся в лингвистическом русле признает синтактическое и семантическое измерение знака, однако исключает из своего рассмотрения прагматику. Категория знака для Ф. де Соссюра представляет единство означаемого и означающего. При этом отрицается естественность связи данных элементов, однако, постулируется ее неизменность для пользователей. Второе утверждение связано с означающим и постулирует его линейный характер. Для выделения структурообразующих элементов коммуникативного пространства большое значение имеет доказательство Ф. де Соссюром существования синхронического и диахронического аспектов языка, которое обосновывают существование в структуре коммуникативного пространства двух видов информационных процессов.

Значение семиотических построений Г. Фреге для цели нашего исследования в том, что он подчеркивал мнемоническую функцию знака, которая обеспечивает хранение информации в памяти человека. Кроме того, он рассматривает знак как аккумулятор образов, которые еще не получили свой собственный способ обозначения. Знак – это инструмент для построения сложных конструкций мысли, для глубокого проникновения в суть объекта, в суть проблемы. Таким образом, Г. Фреге утверждает знак как основу нашего

мышления, что приближает его семиотику к теории Ч.С. Пирса, о том, что мы мыслим в категории знаков.

Завершая рассмотрение семиотических концепций, мы обращались к семантико-прагматической теории У. Эко. Значимость воззрений данного исследователя заключается в том, что он, во-первых, рассматривает теорию знака в русле теории коммуникации; во-вторых, У. Эко, в некоторой степени, удалось объединить семиотические традиции Ч.С. Пирса и Ф. де Соссюра.

Итак, У. Эко использует термин «семиология», следуя соссюрской традиции, и определяет знак как объединение означаемого и означающего. У. Эко разделяет мысль Ф. де Соссюра, о том, что связь означаемого и означающего произвольна, однако, утверждается в его теории, она навязана языком, который является кодом. Несомненно, семиология У. Эко во многом является продолжением соссюрских идей, однако, он, в отличие от Ф. де Соссюра, утверждает, что лингвистические категории не способны объяснить все коммуникативные акты. Кроме того, значительное место в концепции У. Эко занимает категория семиозиса (концепция Ч.С. Пирса), которую он значительно расширил. Так, для У. Эко семиозис является социальной деятельностью. Он не отрицает, что в семиозис вовлечены субъективные факторы, которые образуют индивидуальный семиозис. Таким образом, семиозис У. Эко «антропогенен», он отмечает, что нет семиозиса без человека – это либо общественная, либо индивидуальная категория. В результате этого, семиозис, как и семиотика в целом, по утверждению У. Эко, связаны с процессами коммуникации. Кроме того, являясь автором нескольких моделей коммуникации, У. Эко предполагает, что следующим этапом развития исследований коммуникативных моделей будет обращение к проблеме процессуальности коммуникации, в которой заложены историчность форм коммуникаций и процессуальность их смысла.

Итогом анализа базовых семиотических концепций является выделение знаковых механизмов, являющихся неотъемлемой частью структуры коммуникативного пространства. Это синхронические и диахронические аспекты измерения знака (Ф. де Соссюр). Создание трехмерной семиотики – выделение семантического, синтаксического и прагматического измерения семиозиса (Ч.С. Пирс, Ч.У. Моррис), определило природу каналов трансляции информации в структуре коммуникативного пространства. Природа обобщения, как основа семиотики Г. Фреге, и обоснованная им логика взаимосвязи трех элементов знака, так же является важным в рамках нашего исследования. Значение работ У. Эко определяется обоснованием взаимосвязи семиотики, коммуникации и теории информации, что является существенным положением для выявления структуры коммуникативного пространства.

Таким образом, в первой главе диссертационного исследования были проанализированы основные модели коммуникации, цели и условия их создания, для выявления параметров их классификации и систематизации. Выявлены следующие механизмы знаковой динамики в коммуникациях: синхронический и диахронический аспекты языка, триадическая структура знака и трехмерный семиозис.

Вторая глава «Постнеклассические измерения структуры коммуникативного пространства» состоит из трех параграфов. В ней показывается как все многообразие выделенных и классифицированных моделей коммуникации можно упорядочить на основании информационно-синергетического подхода, следствием чего является построение структуры коммуникативного пространства.

В параграфе 2.1. «Возможности информационно-синергетического подхода для сопоставления моделей коммуникации» обосновывается применение постнеклассической методологии, и, в частности, информационно-синергетического подхода как методологического основания диссертационного исследования.

В первой главе исследования показано, что практика моделирования коммуникативных процессов получила особое развитие в связи со становлением теории информации. Один из наиболее наглядных фактов информационной природы коммуникации проявляется при рассмотрении понятий коммуникации, подавляющее большинство которых определяют коммуникацию как передачу информации, информационный обмен, информационный акт, информационное воздействие и другие операции, производимые *над* и *с* информацией. Основой для подобных утверждений является тот факт, что практика коммуникативного моделирования зародилась с появлением новых технических средств связи. И первые модели коммуникации создавались преимущественно как коммуникационные, то есть демонстрирующие порядок, механизм передачи информации в пространстве. Позднее в практике моделирования отражается коммуникативный аспект, показано, что коммуникация не есть только механистическая передача сообщения, а, прежде всего, это обмен смыслами.

Философско-методологические исследования динамики информационных систем позволили разработать информационно-синергетический подход (И.В. Мелик-Гайказян). В рамках данного подхода, выявлены информационные механизмы самоорганизации, что дает возможность разрабатывать методологию моделирования нелинейной динамики сложных систем. Это имеет особое значение для изучения коммуникации в социокультурных

системах, поскольку упорядочение существующих моделей было построено на предположении об информационной природе коммуникативных процессов. Таким образом, релевантность информационно-синергетического подхода определяется тем, что позволяет рассматривать коммуникативные процессы как процессы информационные, которые, в свою очередь, есть многостадийные и необратимые, а также информационные процессы есть механизмы самоорганизации сложных систем. Таким образом, мы применяем информационный подход как метод исследования процессов социокультурной динамики в целом и структуры коммуникативного пространства в частности.

В параграфе 2.2. «Модель структуры коммуникативного пространства» строится модель структуры коммуникативного пространства. Показано, как все многообразие коммуникативных моделей, классифицированных по «базовым» линиям, встраивается в данную модель. Было выяснено, что структура коммуникативного пространства включает следующие информационные процессы: кодирования, декодирования, рецепции, хранения и построения оператора. Доказано, что «точкой отсчета» в построении структуры коммуникативного пространства является процесс кодирования, который вызывает процесс семиозиса и определяет условия функционирования знаковых каналов, определенных структурой знака (семантическое, синтаксическое и прагматическое измерения знака). Именно в процессе кодирования наши мысли «облачаются» в знаки и «готовы» для участия в коммуникативном акте.

Анализ разноплановых моделей коммуникативного акта позволил классифицировать их по выделенным выше линиям, и показать, как каждая линия, на основании анализа целей и условий ее создания, встраивается в общую модель информационного процесса. Выявлено, что общим признаком моделей «линии Г. Лассуэлла» является то, что они линейны и происходят в настоящем времени. Кроме того, данные модели создавались для целей политического управления и базировались на возможностях информационно-пропагандистского воздействия на массовую аудиторию, следовательно, предполагали определенные, прогнозируемые результаты, и были нацелены на *прагматику* коммуникации.

Модели «линии К. Шеннона – У. Уивера» – это модели *синтаксического* плана, устанавливающие правила соотнесения и последовательность элементов коммуникативного акта. Что касается роли человека в моделях этой линии, то утверждается, что коммуникатор формулирует некоторое смысловое «значение», но не способен контролировать, как сообщение влияет на аудиторию. Таким образом, эффективность и смысловая нагрузка коммуникации в моделях этой линии слишком ограничена, поскольку: 1) в данных моделях,

все внимание сконцентрировано на умении отправителя «готовиться» к передаче послания; 2) эти модели полностью игнорирует те выводы, которые для себя делает получатель послания; 3) модели не рассматривают особенности вербального сообщения и, таким образом, не могут быть пригодными для описания процессов речевой коммуникации.

Особенностями моделей «линии Т. Ньюкомба» является то, что они основаны на положении, что коммуникация происходит между людьми, обладающими одинаковым тезаурусом, в них подробно рассматриваются *семантические* характеристики коммуникативного акта. Например, в модели коммуникации Т. Ньюкомба были сформулированы необходимые условия, при которых будет инициироваться согласованный, наполненный смыслами коммуникативный процесс. Она была разработана как подвижная модель коммуникации, отражавшая взаимодействие участников коммуникативного акта, в особенности в отношении их когнитивного, эмоционального и артистического аспекта.

В моделях семиотической «линии» все внимание акцентируется не столько на процессе передачи информации, сколько на содержательном аспекте сообщения, тем самым, актуализируется трехчленная структура знака (семантика, синтактика, прагматика).

Итак, информационно-синергетический подход позволил сформировать методологические принципы для упорядочения базовых моделей коммуникации. Кроме того, выявлены границы применимости моделей, показаны место и роль каждой базовой «линии» в формировании структуры коммуникативного пространства. Выявлено, что коммуникативное пространство возникает в процессе кодирования информации, затем информация, в лице различных акторов, передается, рецепцируется, декодируется, строит оператор. Данные информационные процессы пронизаны семиотическими каналами, которые придают объем коммуникативному пространству и определены природой знака. Итак, структура коммуникативного пространства выглядит следующим образом: информационные процессы (кодирования, декодирования, рецепции, хранения, построения оператора), функционирующие в социокультурных системах представляют *горизонтальную структуру*. Данные процессы включают три семиотических канала, природа которых определяется природой знака (семантика, синтактика, прагматика) – это *вертикальная структура* коммуникативного пространства. Таким образом, были выявлены информационные и знаковые механизмы, образующие структуру коммуникативного пространства.

В параграфе 2.3. «Коммуникативное пространство как фактор трансформации адаптивных механизмов культуры» проводится исследование влияния структуры коммуникативного пространства на процессы деформации культуры. Исследования о природе данных процессов в диссертации инициированы теми акцентами на актуальных проблемах теории культуры и философии, которые были сделаны В.В. Мироновым в его пленарном докладе на IV Российском философском конгрессе. В докладе (и в последующих публикациях) В.В. Мироновым выделяются основные проблемы, как, прежде всего, связанные с наращиванием коммуникационных потенциалов и становлением Глобального Коммуникационного пространства.

Рассматривая трансформации и метаморфозы современной культуры В.В. Миронов отмечает, что в условиях интенсивного развития средств связи информационное общество, в области коммуникационных процессов, подчиняет себе культуру, то есть изменяется характер диалога культур. Бывшие некогда локальные культуры «погружаются в иную внешнюю среду», которая тяготеет к становлению Глобального Коммуникационного пространства. Следствием этих процессов являются: становление интегративной культуры, которая характеризуется господством одного языка; разворачивание диалога в ситуации, когда расширяется «псевдокультурное» поле общения, в котором диалог теряет свое содержательное значение. Основания этого в том, что диалог строится по принципу познания наиболее доступных смыслов, которые находятся в области пересечения культур. Подобная ситуация, с одной стороны, способствует упрощению диалога между культурами и людьми, что может быть оценено как положительное следствие, однако, вместе с тем, это способствует «стиранию» самобытности культур, уменьшению их разнообразия за счет поглощения единой, интегративной культурой. Результатом этих процессов является нарушение пропорции, естественного баланса между «высокой» и «низкой» культурами. «Низовая» культура становится официальной и влечет за собой ряд последствий, в частности, происходит выделение на первый план повседневности, которая преобразуется в высшую культурную ценность и влечет за собой вулгаризацию культуры.

Анализ работ В.В. Миронова, который проведен в диссертации с целью выделения основных проблем современной культуры, порождаемых Глобальным Коммуникационным пространством, показал, что речь идет о деформации адаптивного механизма, обеспечивающего стабильность традиционной культуры. На основе выделенной в работе структуры коммуникативного пространства было установлено, что коммуникативное пространство в условиях социальной неустойчивости становится способом формирования нового

образа культуры, в котором существуют те проблемы, о которых пишет В.В. Миронов. Построение модели структуры коммуникативного пространства, позволило показать, что деформации культуры являются следствием деформации коммуникационных отношений. Установлены механизмы этих деформаций.

Было установлено, что, во-первых, в современном коммуникативном пространстве был практически потерян или деформирован семантический канал трансляции знака, что порождает такой феномен как «общение ради общения», люди перестали заниматься поиском смысла общения, оно строится по принципу совпадающих или почти совпадающих смыслов (Интернет-чаты). Во-вторых, преобладание синтаксического канала трансляции знака, а также брэнность и изменчивость «блока памяти», приводит к тому, что новые знаки без смыслового наполнения коррелируют со старыми, образуя «пустотные» знаки. Такое преобладание становится причиной того, что основой современной культуры становится «фактор тиражированности» (в терминологии В.В. Миронова). В-третьих, последствием того, что современное коммуникативное пространство строится по преимуществу в прагматическом канале, и при этом не задействована культурная память, приводит к тому, что «повседневность становится высшей ценностью культуры». Итак, установлен механизм деформации коммуникационных отношений. Такая деформация может быть «гибкой», что связано со свойством изменчивости информации и «жесткой», что связано со свойством брэнности информации. Причиной деформации является то, что коммуникативное пространство – это сильно неравновесная, открытая система, в которой неравновесные связи являются условием самоорганизации, изменяющими роль и смысл отношений внутри коммуникационного пространства. При этом структурообразующие элементы коммуникативного пространства неизменны. Изменяются не коммуникативные структурообразующие элементы, а коммуникационные отношения, именно они резко меняют характер диалога между культурами. Происходящие события имеют такую высокую скорость тиражирования, что становятся когерентными сразу нескольким тысячам других событий. Мы одновременно слышим одни и те же новости и призывы, при этом временные рамки сжимаются, и новые ценности не успевают адаптироваться к традиционной знаковой системе ценностей. Резкое возрастание темпов информационного прогресса привело к резкому увеличению объемов хранимой информации. Реакция на события возникает сразу, и это когерентное воздействие вызывает процессы самоорганизации в социокультурных системах. То на что раньше требовались века, например развитие наскальной живописи, столетия –

книгопечатание, сейчас происходит менее чем за десять лет – создание носителей вмещающих информацию на терабайты (10 в девятой степени). Все это приводит к тому, что информационные и семиотические механизмы, образующие структуру коммуникативного пространства функционируют одновременно, часто в опасном сочетании коммуникативного события. Таким образом, новый образ культуры – это следствие трансформации адаптивных механизмов культуры, которые, в свою очередь, являются результатом деформации коммуникационных отношений в коммуникативном пространстве. Адаптивные механизмы теряют способность к самосохранению и самовоспроизводству, как следствие создается новый образ культуры, где человек должен искать новые способы актуализации своей идентичности, как модели позволяющей разделить «Я» и окружающий мир.

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются выводы, среди которых центральным является утверждение, что структура коммуникативного пространства определяется структурой информационного процесса, пронизанной знаковыми каналами. Перспективным направлением продолжения темы диссертации представляется возможность изучения структурных изменений коммуникативного пространства, которые определяют необходимость исследования перспектив человека, поиска новых форм и возможностей создания новых механизмов адаптации.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях соискателя:

1. Принципы классификации моделей коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Философия и культурология). – 2006. – Вып. 7 (58). – С. 49–53.
2. Путешествие как феномен образования в коммуникативном пространстве // Философия образования. – 2006. – № 4. – С. 161–165 (в соавторстве Н.В. Черепановой).
3. Структура коммуникативного пространства // Философия. Наука. Культура: Сборник статей / Под ред. В.В. Ильина. – М.: Изд-во МГУ, 2006. – Вып. 5. – С. 61–75.
4. Структура коммуникативного пространства Интернет-образования // Образование в Сибири. – 2005. – № 1 (13). – С. 15–17.
5. The Potential of Tomsk for Educational Tourism as Resource of Energy Saving Developments of Economy in the Region // Материалы VII Всероссийской научно-технической конференции «Энергетика: экология, надежность, безопасность» (5–7 декабря 2001 г.): В 2 т. Т. II. – Томск: Изд-во Томского политех. ун-та, 2001. – С. 136–137.

6. Экономика красоты – постановка проблемы для междисциплинарных исследований // Материалы VI Международной конференции «Математика. Экономика. Образование» (27 мая – 2 июня 2002 г.). – Ростов-н/Д.; М.: Прогресс-традиция, 2002. – С. 58–64.
7. Philosophical Needs and Social-cultural Dynamics // Материалы VI Общероссийской межвузовской конференции студентов, аспирантов, молодых ученых «Наука и образование» (15–20 апреля 2002 г.): В 5 т. Т 5: Культурология и философия. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2002. – С. 18–19.
8. Пути к элитному образованию: особенности современных научных коммуникаций // Современные технологии образования и их использование в вузе и профильной школе. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2005. – С. 275–280.
9. Влияние специфики коммуникативного акта в Интернет на образовательную сферу // V Сибирская школа молодого ученого: Материалы Международной научно-практической конференции «Модернизация профессионального послевузовского образования». – Томск: Изд-во STT, 2005. – С. 167–169.
10. Семиотические модели коммуникации // Материалы IX Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов, молодых ученых «Наука и образование»: В 6 т. Т. 4: Культурология, история, философия. Ч. II. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2005. – С. 24–27.
11. Экология глобальной коммуникативной системы Интернет // Труды XI Всероссийской научно-технической конференции «Энергетика: экология, надежность, безопасность». – Томск: Изд-во Томского политех. ун-та, 2005. – С. 161–163.
12. Релевантность информационно-синергетического подхода для изучения коммуникации // Коммуникация и конструирование социальных реальностей: Сборник научных статей / Отв. ред. О.Г. Филатова. Ч. 1. – СПб.: Роза мира, 2006. – С. 118–126.
13. Коммуникативные измерения экологической культуры // Труды VIII Всероссийского научно-технического семинара «Энергетика: экология, надежность, безопасность». – Томск: Изд-во Томского политех. ун-та, 2006. – С. 329–332.

Подписано в печать: 21.11.2006 г. Бумага: офсетная
Тираж: 100 экз. Печать: трафаретная
Формат: 60×84/16 Усл. печ. л.: 1,62
Заказ: 211/Н

Издательство
Томского государственного педагогического университета

г. Томск, ул. Герцена, 49. Тел. (3822) 52-12-93
e-mail: publish@tspu.edu.ru

